

DOI 10.23859/1994-0637-2018-6-87-7

УДК 81.255.2

© **Барина И. А., Нестерова Н. М., 2018****Барина Ирина Александровна**

Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)
E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

Barinova Irina Akeksandrovna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
Perm National Research
Polytechnic University
(Perm, Russia)
E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

Нестерова Наталья Михайловна

Доктор филологических наук, профессор,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)
E-mail: nest-nat@yandex.ru

Nesterova Natalya Mikhailovna

Doctor of Philology Sciences,
Professor, Perm National Research
Polytechnic University
(Perm, Russia)
E-mail: nest-nat@yandex.ru

**ПЕРЕВОД: «ПОВЕРЖЕННЫЙ /
НЕПОВЕРЖЕННЫЙ» БУКВАЛИЗМ****«DEFEATED /UNDEFEATED»
LITERAL TRANSLATION**

Аннотация. Статья посвящена буквальному переводу как методу, традиционно противопоставляемому смысловому переводу. Рассматривается история формирования этого метода перевода, анализируются точки зрения как его «противников», так и «защитников». Делается попытка ответить на вопрос: почему, несмотря на традиционно негативную оценку буквального перевода, он остается «неповерженным» и даже предпочтительным для некоторых переводчиков, в частности, для В. Брюсова и В. Набокова? На основании проведенного анализа взглядов на буквальный перевод теоретиков и практиков перевода авторы приходят к выводу о желательности наличия различных переводных вариантов (в том числе и буквального) одного исходного текста, предназначенных для разных читателей.

Ключевые слова: перевод, метод перевода, буквальный перевод, смысловой перевод, буквализм

Abstract. The article is devoted to literal translation as a method traditionally opposed to sense translation. The history of this method formation is considered and the points of view of both its «opponents» and «defenders» are analyzed. The authors make an attempt to answer the question why, despite the traditionally negative assessment of literal translation, it remains "undefeated" and even preferable for some translators, in particular, for V. Bryusov and V. Nabokov. Based on the analysis of views on the literal translation of theorists and practitioners of translation, the authors come to the conclusion about the desirability of having different translated versions (including literal) of one source text, the versions being intended for different readers.

Keywords: translation, method of translation, literal translation, semantic translation, literalism

Введение

В название данной статьи включен парафраз заглавия книги А. Азова «Поверженные буквалисты», увидевшей свет в 2013 г. [1]. Книга посвящена истории раннего советского переводоведения (1920–1950 гг.), периода поиска «правильной» концепции перевода и, соответственно, борьбы разных школ. Как известно, доминирующей теорией и признанной официально была теория так называемого «реалистического перевода», предложенная И. А. Кашкиным. Им же была сформирована мощная переводческая группа «кашкинцев», в которую входили такие мастера художественного перевода, как В. М. Топер, О. П. Холмская, Е. Д. Калашникова, Н. А. Волжина, Н. Л. Дарузес, М. Ф. Лорие, М. П. Богословская. Воспитанницей «кашкинцев» была и Нора Галь, автор русского «Маленького принца». Это были переводчики-«реалисты». Но были и переводчики-буквалисты, с ними шла борьба. Прежде всего, это Е. Л. Ланн и Г. А. Шенгели. Они и названы А. Азовым «поверженными».

Описанная в книге А. Азова борьба происходила в прошлом столетии, а истоки переводческого дуализма «буква или дух» уходят корнями в далекое прошлое. Этот дуализм возник вместе с первой римской теорией перевода и был обозначен сначала Цицероном, а позднее Иеронимом как *verbum pro verbo* (word-for-word) и *sensum de sensu* (sense-for-sense). Susan Bassnett, один из наиболее авторитетных теоретиков современности, данный дуализм относит к тем «вечным» проблемам перевода, которые снова и снова с различной степенью остроты начинают обсуждаться в научных сообществах, при этом взгляд на проблему меняется в зависимости от доминирующих концепций языка и коммуникации [17]. Возникает вопрос: в чем причина неутихающего интереса к буквальному переводу, который, с одной стороны, традиционно подвергается критике, а с другой – привлекает внимание философов и выбирается как предпочтительный метод перевода такими маститыми переводчиками, как В. Брюсов и В. Набоков. В данной статье делается попытка ответить на данный вопрос.

Основная часть

Как отмечалось во введении, история концептуальной борьбы в теории и практике перевода началась практически два тысячелетия назад, когда Цицерон и его последователи (Гораций, Плиний Младший и др.) провозгласили принцип вольного перевода. Эта борьба обострилась в связи критикой, обрушившейся на переводческую концепцию Св. Иеронима. Она описана самим Иеронимом в его знаменитом письме к римскому сенатору Паммахию. Письмо известно под названием «О наилучшем способе перевода». Именно в этом послании и было сформулировано знаменитое, ставшее афоризмом, кредо переводчика: *Non verbum de verbo, sed sensum de sensu exprimere*. С негодованием автор Вульгаты и признанный сегодня покровителем переводчиков Иероним пишет Паммахию, которого хорошо знал и очень высоко ценил: «Я объявлен лжецом оттого, что не перевел слово в слово: вместо "почтенный" поставил "дражайший". Из подобной ерунды и состоят обвинения против меня. Я не только признаю, но открыто заявляю, что в переводах с греческого (кроме

Священного Писания, где сам порядок слов – тайна) я передаю не слово словом, но мысль мыслью» [9]. Итак, спор между сторонниками буквального и вольного методов перевода давний и жесткий. Достоинства последнего метода перевода «мысль мыслью» представляются для большинства теоретиков и практиков перевода очевидными и не требующими обсуждения. Буквальный же перевод (англ. *literal translation*, от лат. *litterae* – буква), наоборот, традиционно вызывает негативную оценку.

Негативная оценка буквального перевода содержится и в его определениях. Буквальный перевод определяют как перевод, выполненный на уровне отдельных слов, без учета смысловых, синтаксических и стилистических связей между словами [10], как воспроизведение в переводном тексте формальных и семантических компонентов исходного текста. Отмечается, что в результате буквального перевода нарушаются нормы и узус языка перевода и оказывается искаженным или непереуведенным действительное содержание оригинала. Если обобщить приведенные определения, то можно сказать, что буквальный перевод – это пословный перевод оригинального текста с одновременным сохранением при переводе порядка слов предложения в тексте на иностранном языке. Критика такого перевода началась, как уже отмечалось, с Цицерона («О наилучшем роде ораторов» – "*De Optimo genere oratorum*") и Горация («Наука поэзии» – "*Ars poetica*").

В советском переводоведении резко отрицательное отношение к буквальному переводу наблюдается у К. И. Чуковского, который называл его «самым неточным, самым лживым из всех переводов» [15, с. 50]. Солидарна с мнением Чуковского была и Нора Галь, автор блестящего русскоязычного текста «Маленького принца». Она считала, что буквальный перевод «можно все только исказить и загубить», а «бережно сохранить и передать подлинник во всей полноте и многообразии, передать все оттенки мысли, чувств, стиля можно только отходя от буквы, от дословности, только средствами и по законам нашего языка» [8, с. 214–215].

Однако нужно отметить, что такое отношение к буквальному переводу иногда изменялось на противоположное. Так, в частности, в эпоху Средневековья он считался единственно возможным. В целом же нужно признать, что аргументов «*contra*» относительно буквального перевода всегда было достаточно, и они вполне понимаемы. Понятно, почему буквальный перевод не стал доминирующим в европейской и отечественной традиции, почему буквализм и интерференция (как его следствие) традиционно считались недостатками перевода. Но если согласиться со всеми вышеприведенными высказываниями, негативно характеризующими буквальный перевод, возникают вопросы: почему спор о буквальном и вольном переводах относят к вечным? Почему и сегодня говорят и пишут о буквальном переводе, почему он остается не до конца поверженным? Почему находятся сторонники этого метода?

Сегодня мы можем констатировать, что, несмотря на шквал критики, обрушившийся на буквальный перевод, он «не умер». И одним из первых «защитников» такого перевода стал Ф. Шлейермахер, который в 1813 г. в своей известной лекции «О разных методах перевода» ("*Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens*") [16] показал принципиальное различие между буквальным и вольным (смысловым) переводами. Используя метафорическое представление о переводе как о встрече автора оригинала и читателя перевода, он описал два метода перевода как два возможных варианта достижения встречи: один вариант – это переводчик «ведет» читателя к

автору, сохраняя, насколько это позволяет, язык перевода и все своеобразие авторского текста. Другой вариант предполагает, что автора «ведут» к читателю, адаптируя его текст к языку и культуре читателя. Из этого следует, что в результате первого метода перевода (когда читателя ведут к автору) текст перевода становится «чужим», «остранненным» (*alienting*). Во втором случае переводчик создает текст, который воспринимается как «свой», «естественный» (*naturalizing*). Таким образом, лекцию Шлейермахера можно считать первым теоретическим обоснованием и описанием переводческого дуализма. Сам автор лекции был сторонником «отчужденного» перевода.

В XX столетии этот дуализм найдет отражение в «парадоксах перевода», сформулированных Т. Сейвори: «Текст должен читаться как перевод» / «Текст должен читаться как оригинал». Сегодня эти два метода известны как *foreignization* и *domestication* (в русскоязычное переводоведение они вошли как *форенизация* и *доместикация*, хотя есть попытки и их перевода – *одомашнивание* и *остранение*). Термины, как известно, были предложены Л. Венути, который считал, что переводчик должен противостоять принимающей лингвокультуре, ее конвенциям и пытаться передать в тексте перевода язык и культуру оригинала, намеренно подчеркивая чуждость (*foreignness*) текста перевода культуре его получателя.

В XX в. концепция Шлейермахера получает дальнейшее теоретическое развитие, а сам метод буквального (форенизированного) перевода реализуется в конкретных переводах: «In the twentieth century, this Romantic foreignizing conception of translation has been picked up and passed on by a succession of brilliant theorists», – отмечается в «Routledge Encyclopedia of Translation Studies» [22, с. 127]. Такими блестящими теоретиками («brilliant theorists») являются В. Беньямин, Х. Гассет, М. Хайдеггер, Дж. Штайнер, А. Берман, Л. Венути и др.

Среди названных философов, «поддержавших» Ф. Шлейермахера, особенно следует подчеркнуть вклад в теоретическое обоснование буквального перевода Х. Ортеги-и-Гассета, автора эссе «Нищета и блеск перевода» [11]. Это эссе можно назвать «воскрешением» (своего рода инкарнацией) идей Ф. Шлейермахера. Так, в разделе «Блеск перевода» испанский философ представляет свое видение перевода: «Мне видится такой жанр перевода, который, не претендуя на литературное совершенство, был бы уродлив, как всегда уродлива наука, трудно читался, но зато был бы совершенно прозрачен, пусть эта прозрачность потребовала бы множества сносок внизу страницы. Необходимо, чтобы читатель заранее знал, что, читая перевод, он будет читать не привлекательную с литературной точки зрения книгу, а будет пользоваться приспособлением, довольно громоздким, зато действительно способным переселить нас в бедного неудачника Платона, который двадцать четыре века назад по-своему пытался удержаться на волне жизни» [11, с. 351].¹ Кстати, по мнению Гассета, только Шлейермахеру, который «намеренно не захотел делать красивый перевод», и удалось по-настоящему перевести великого грека, создать «плодотворный» перевод, хорошо послуживший всем, включая филологов, знающих греческий и латынь.

¹Ср. со словами Шлейермахера, который тоже подчеркивал «неуклюжесть» такого перевода, сравнивая его со «скованным и судорожным ковылянием», «коверканием родного языка в угоду чужому» [Шлейермахер, 2000].

Для испанского философа «перевод – особый, стоящий особняком литературный жанр, со своими собственными нормами и целями. По той простой причине, что это не само произведение, а путь к нему» [11, с. 349]. Чтобы проложить такой путь, переводчик должен совершить, по словам В. Набокова, «кабинетный подвиг», на который способен далеко не каждый, кто берется переводить чужеземного автора. В том же эссе «Нищета и блеск перевода» Гассет, сравнивая автора с переводчиком, подчеркивал, что «писать хорошо – значит постоянно подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка. Это акт перманентного мятежа против окружающего общества, подрывная деятельность. Чтобы писать хорошо, требуется определенное бесстрашие. А переводчик обычно человек маленький. Свое занятие, самое непритязательное, он выбирает из робости. Перед ним выстроился громадный полицейский аппарат: грамматика и неуклюжий узус. Как он поступит с мятежным текстом? Не чрезмерно ли требовать от него, чтобы он сам стал бунтовщиком и ради чужого дяди? Вероятно, в нем победит благоразумие, и, вместо того чтобы громить грамматические банды, он выберет обратное: заключит переводимого писателя в темницу лингвистической нормы, то есть предаст его. Traduttore, traditore» [11, с. 337]. Взгляд Гассета на перевод объясним, если учитывать его интерес к проблеме элит и масс. Очевидно, что тот перевод, о котором пишет философ, адресован элитарному (а не массовому!) читателю, читателю, способному пройти путь к автору, к его исходному «чужому» тексту.

В качестве иллюстрации к вышесказанному обратимся к переводческому наследию двух крупнейших русских писателей (поэтов) – Валерию Брюсову и Владимиру Набокову. Будучи блестящими переводчиками, они оба сознательно отказываются от вольного (смыслового) перевода в пользу буквального. Будучи и теоретиками перевода, они дают серьезное обоснование этому шагу. Они оба создают своего рода манифесты буквального перевода – «Овидий по-русски» и «Onegin in English». Как известно, В. Брюсов пришел к буквализму, обратившись к переводу античных авторов и осознав неправомерность переводчика заставлять древнего римлянина говорить на современном русском языке.¹ В названной выше статье «Овидий по-русски» поэт-переводчик пишет: «Когда речь идет о переводе великих поэтов Эллады и Рима, нам кажется необходимым передавать не только мысли и образы подлинника, но самую манеру речи и стиха, все слова, все выражения, все обороты; и мы твердо верим, что такая передача – возможна» [4, с. 543]. Брюсов, переводя «Энеиду» Вергилия, стремился к предельному буквализму, к тому, чтобы его «Энеида» звучала странно и чуждо для русского уха. И он этого добился, благодаря чему его перевод завоевал славу «нечитабельного» перевода.

Такую же славу завоевал и набоковский перевод «Евгения Онегина». На В. Набокова и его перевод обрушились очень многие и, конечно, К. Чуковский, который писал, что он был разочарован переводом В. Набокова, выполненного ритмизованной прозой.²

¹ Ср. у Шлейермахера: «если перевод заставляет, например, римлянина говорить так, как говорит немец, обращаясь к немцам, возникает опасность подмены: автор, введенный в мир немецких читателей, будет воспринят как один из соотечественников, а это совсем не то, к чему надо стремиться» [Шлейермахер, 2000, с. 133].

² См. Чуковский К. «Онегин на чужбине» (1988) [15].

Однако Брайан Бойд, признанный авторитет в набоковедении, отмечал, что в стихотворных переводах романа «английский приемлем ничуть не больше набоковского – по другим, правда, причинам – и при этом бесконечно менее верен Пушкину» [3, с. 403].

Как уже отмечалось, Набоков, как и Брюсов, пытался теоретически обосновать свой переводческий выбор. Помимо «Комментариев» к собственному переводу пушкинского текста им были написаны и статьи, посвященные проблеме перевода «Евгения Онегина», и даже стихи. Одна из статей носит вполне символическое название – «Servile Path» («Рабский путь») [18]. Другая статья – «Problems of Translation: Onegin in English» [19]. Здесь можно увидеть явную «солидаризацию» с Брюсовым. Автор декларирует свое переводческое кредо, которое весьма категорично: «The clumsiest literal translation is a thousand times more useful than the prettiest paraphrase». Набоков считает, что «следует раз и навсегда отказаться от расхожего мнения, будто перевод "должен легко читаться" и не "должен производить впечатление перевода"». Именно буквальный (literal) перевод для Набокова является «честным». Вот он парадокс, названный Сейвори.

Приведем известные каждому русскому школьнику пушкинские строки и их англоязычный вариант, предложенный Набоковым [20]:

Итак, она звалась Татьяной.
So she was called Tatiana.
Ни красотой сестры своей,
Neither with her sister's beauty
Ни свежестью ее румяной
nor with the latter's rosy freshness
Не привлекла б она очей.
Would she attract one's eyes.
Дика, печальна, молчалива,
Sauvage, sad, silent
Как лань лесная боязлива,
as timid as the sylvan doe
Она в семье своей родной
in her own family
Казалась девочкой чужой
she seemed a strangeling.

Для сравнения возьмем другой англоязычный вариант этих же строк, предложенный Дж. Фаленом [21].

So she was called Tatyana, reader.
She lacked that fresh and rosy tone
That made her sister's beauty sweeter
And drew all eyes to her alone.
A wild creature, sad and pensive,
Shy as a doe and apprehensive,

Tatyana seemed among her kin
A stranger who had wandered in.

Различие этих двух англоязычных версий пушкинских строк настолько разительно, что не требует комментариев. Набоков находит для русских слов английские соответствия, которые становятся «двойниками» первых, он практически не меняет порядок их следования, т. е. создает эквилинеарный вариант пушкинского текста. Такой перевод для англоязычного читателя не может быть естественным, не может читаться легко. Однако, как пишет Бойд, такая неестественность английского языка дает возможность читателю увидеть за английским словом (пусть и не всегда правильным) пушкинский мир. Намеренная неправильность английских конструкций, непривычность многих слов (таких, например, как *strangeling* – *strange+ling*) делают текст Набокова по-шлеймахеровски «чужим» для англоязычного читателя, но именно этого и добивается сам переводчик: он не стремится заменить пушкинский текст, он создает приспособление, позволяющее увидеть, из чего и как строится пушкинский текст. Дж. Фален, наоборот, стремится к воспроизведению формы пушкинского стиха, отступая при этом от Слова поэта. В отличие от набоковского текста, перевод Фалена «читабылен», не случайно именно он звучит в англоязычной аудиозаписи «Евгения Онегина», где текст читает С. Фрай, чье английское произношение считается эталонным. Сами англичане полагают, что Фрай является носителем уникального английского языка – изысканного и безупречного, поэтому неудивительно, что пушкинский текст звучит в этой записи очень благозвучно, и, возможно, у англоязычного читателя может создаться впечатление, что это именно пушкинский текст. Однако для русского читателя очевидно, что это другой текст.

Говоря о буквальном переводе как об имеющем свои преимущества и даже предпочитаемом в некоторых случаях, нельзя не упомянуть работу В. Бенъямин «Задача переводчика». Именно в ней мы находим слова Р. Панвица, автора «Кризиса европейской культуры»: «Наши переводы, включая самые лучшие, исходят из неправильной посылки. Они хотят превратить хинди, греческий, английский в немецкий, вместо того, чтобы превращать немецкий в хинди, греческий, английский» [2, с. 108]. Итак, вот еще один защитник буквального перевода. Но эти «защитники» относятся к эпохам уже ушедшим. Сегодня же самой яркой работой, написанной в защиту буквализма, является статья одного из крупнейших отечественных филологов-классиков М. Гаспарова «Брюсов и буквализм», которая увидела свет в 1971 г. Ученый и переводчик М. Гаспаров предлагает совсем иной взгляд на буквальный перевод, отличающийся от принятого в советской теории и критике перевода.

Обратившись к брюсовскому «нечитабыльному» буквальному переводу «Энеиды» Вергилия, ученый прослеживает путь Брюсова от традиционного смыслового перевода к буквализму. Делает он это на основе детального анализа и сопоставления последовательных переработок перевода латинского текста, над которым поэт работал много лет. Ученый выделяет три стадии перевода второй книги «Энеиды» – рассказа Энея о гибели «Трои»: первая, которая самим Брюсовым была названа «не переводом, а пересказом» (перевод выполнен был еще в гимназии); вторая – это уже не пересказ, а перевод, в котором нет и тени буквализма; третья, в которой, как от-

мечает Гаспаров, «буквалистские установки Брюсова находят самое полное выражение» [7, с. 35].

Исследование М. Гаспарова доказывает, что Брюсов абсолютно сознательно шел к буквальному переводу «Энеиды», который, как уже говорилось, принес ему скандальную славу: «когда бывает необходимо предать анафеме переводческий буквализм <...>, тогда извлекаются примеры буквализма из «Энеиды» в переводе Брюсова, и действительность их бывает безотказна» [7, с. 32]. Возникает вопрос: зачем / почему поэт-переводчик отказывается от традиционных (принятых) норм перевода и создает странный «нечитабельный» текст? Зачем он выбирает тот перевод, который Шлейермахер назвал «скованным и судорожным ковылянием», вместо того, который был назван тем же немецким философом «легкой естественной походкой»?

Что же делает Брюсов, чтобы воссоздать латинский стих, т. е., как говорил Паниц, превратить русский язык в латинский? Совершенно очевидно, что это очень непростая задача. Брюсов, как позднее и Набоков, создает своего рода эквилибристический подстрочник, он старается сохранить латинский порядок слов, нарушая при этом норму русскоязычной синтаксической связи («Аквилоном порыв завывавший», «скалы сокрытые»); избегает традиционной переводческой трансформации – замены грамматической формы, – оставляя исходную; использует лексику, которая придает тексту определенную архаичность («взводень»). Ниже в таблице приведены две версии перевода одного и того же отрывка из «Энеиды». Один перевод брюсовский, второй выполнен С. Ошеровым в 1971 г. и опубликован в серии «Библиотека всемирной литературы».

Таблица

Перевод отрывка из «Энеиды»: В. Брюсов и С. Ошеров

Перевод В. Брюсова	Перевод С. Ошера
Так восклицал он, когда Аквилоном порыв завывавший Спереди парус срывает и взводень возносит к светилам; Ломятся весла; потом он корму обращает и волнам Бок подставляет; вслед грудой отвесная встала гора вод. Те на вершине волненья висят; этим вал, разверзаясь, Дно между волнами кажет; кипит на песках бушеванье. Три судна Нот, ухватив, их на скалы сокры- тые мечет (Италы скалы зовут, что стоят между волн, алтарями), Гребень громадный при полной воде, три с открытого моря Гонит на отмели Эвр и на сирты (мучительно но видеть), И отесняет на броды, и валом песка окру- жает	Так восклицал он. Меж тем ураганом ревущая буря Яростно рвет паруса и валы до звезд воздыма- ет. Сломаны весла; корабль, повернувшись, вол- нам подставляет Борт свой; несется вослед крутая гора водяная. Здесь корабли на гребне волны, а там рассту- пились Воды, дно обнажив и песок взметая клубам. Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы (Их италийцы зовут Алтарями, те скалы средь моря, – Скрытый в пучине хребет), а три относит сви- репый Эвр с глубины на песчаную мель (глядеть на них страшно), Там разбивает о дно и валом песка окру- жает

Сравнение этих двух переводов мы находим у Г. Чистякова (1953–2007), знатока древней истории и античной литературы, прекрасно владевшего классическими языками. В своей работе «Дверь к Вергилию» [14], посвященной 15-летию выхода ошеровского перевода «Энеиды», он подчеркивает, что Брюсов «превратил текст в своего рода кроссворд, который надо не читать, а разгадывать. Он поставил перед собой задачу передать текст не только дословно, но с сохранением всех особенностей его формы – той звукозаписи, которая делает поэму Вергилия уникальной и почти неперевожимой на другие языки. Читая брюсовскую «Энеиду», в русском тексте узнаешь звучание латинских слов и музыку слова, основанную на многократном повторении одних и тех же согласных (особенно в начале слов), гласных или целых слогов. Однако по-русски это не украшает текст, а, наоборот, делает его тяжеловесным и уродливым» [14].

Оценивая же перевод Ошерова, Чистяков отмечает, что Ошеров «в отличие от своих предшественников, переводит Вергилия на прекрасный, правильный, можно даже сказать безупречный русский язык. Его перевод не так близок к оригиналу, как у Фета или Брюсова, он точен, но не дословен. Ошеров не воспроизводит, во всяком случае на первый взгляд, музыки латинского текста, но и не уродует русской фразы, что постоянно делает Брюсов в силу своего фанатического стремления к точности. Вергилий был блестящим стилистом – в любом дословном переводе этот блеск непременно теряется, а в переводе Ошерова он сохранен. Переводчик сумел воспроизвести средствами русского языка отшлифованность текста; не случайно же он работал над «Энеидой» пятнадцать лет» [14].

Как мы видим, автор, с одной стороны, отмечает, что в переводе Брюсова «узнаешь звучание латинских слов и музыку слова» [14], а с другой стороны, именно это делает русский текст «тяжеловесным и уродливым» [14]. Нам же представляется, что переводы Брюсова и Ошерова оба открывают «дверь к Вергилию», но каждая из этих дверей предназначена для определенного круга читателей. Именно об этом и пишет М. Гаспаров, чьи слова и вынесены в эпиграф. Продолжением этих слов является следующее: «Тенденция к буквализму – не болезненное явление, а закономерный элемент в структуре переводной литературы. Нет золотых середин и нет канонических переводов "для всех". Есть переводы для одних читателей, и есть переводы для других читателей» [7, с. 61]. Далее ученый продолжает рассуждать о том, какие произведения и для каких читателей влияют на метод перевода, как меняются требования к переводу, меняются вкусы читателей: «Классические произведения мировой литературы – особенно чужих нам цивилизаций – заслуживают того, чтобы существовать на русском языке в нескольких вариантах: для более широкого и для более узкого круга читателей» [7, с. 61].

Заканчивает же Гаспаров свою речь «в защиту» брюсовского буквализма словами самого Брюсова из заметки «Несколько соображений о переводе од Горация русскими стихами», в которой поэт-переводчик писал: «Что теперь многим малодоступно, через несколько десятилетий может стать доступным для самых широких кругов» [7, с. 62].

По мнению Гаспарова, смена стратегий перевода, устаревание одних переводов и появление новых, вызывающих критику, являются закономерными. Ученый считает, что два разных типа перевода предназначены для разных читателей (как сейчас

сказали бы – для разных целевых аудиторий). Это переводы «для потребителей» и «для производителей». Первый представляет собой «упрощающий, локализованный перевод». Он «вводит читателя в мир чужой литературы, не пугая его слишком сильно непривычностью этого мира». Второй предназначен «для читателя уже прошедшего такую начальную школу и желающего лучше понять особенности чужой культуры, и для писателя (или переводчика), пытающегося расширить возможности родного языка» [12].

Выводы

Во введении к этой статье были заданы вопросы: в чем причина незатихающего интереса к буквальному переводу и почему он выбирается как предпочтительный многими мастерами перевода? Как нам кажется, ответ ясен. Несомненно, буквальный перевод не может и не должен становиться общепринятым – он не для всех текстов и далеко не для всех читателей, что и подчеркивал М. Гаспаров, вставший на защиту буквализма и брюсовского перевода «Энеиды». Это явилось своего рода вызовом советскому переводоведению, где, как уже отмечалось, доминировало резко отрицательное отношение к буквальному переводу. Статья М. Гаспарова, посвященная буквализму Брюсова, как и перевод Брюсова, вызвали в советской науке о переводе негативную реакцию. Это было почти полвека назад. Сегодня же мы должны быть М. Гаспарову благодарны за то, что буквализм как метод перевода не оказался окончательно «поверженным». Сейчас кажется несомненным его утверждение, что должны быть переводы для одних читателей и переводы для других читателей.

Также нужно добавить, что буквальный перевод, на наш взгляд, представляет для переводчика достаточно сложную задачу (своеобразный challenge): он гораздо сложнее, чем смысловой перевод, о чем и писал Ф. Шлейермахер. К тому же переводчик, выбирающий данный метод перевода, обрекает себя на непонимание и, соответственно, на критику. С другой стороны, переводчик-буквалист может и должен сознавать, что именно он открывает для иноязычного читателя чужой для него мир, что он «ведет» своего читателя к автору, а не наоборот.

Совершенно очевидно, что вопрос о буквализме является одним из вечных в теории и практике перевода и он требует, как писал М. Гаспаров, «пересмотра с каждым новым шагом русской культуры» [7, с. 62].

Литература

1. Азов А. Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. 304 с.
2. Беньямин В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера // Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб., 2002. С. 88–111.
3. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. Биография. М., 2004. 950 с.
4. Брюсов В. Я. Овидий по-русски // Русские писатели о переводе. Л., 1960. С. 532–567.
5. Вергилий П. М. Энеида / Пер. В. Брюсова // URL: <http://www.proza.ru/2012/06/24/1000>
6. Вергилий П. М. Энеида / Пер. С. Ошерова // URL: <https://www.booklot.ru/authors/vergiliy-publiy-maron/book/bukoliki-georgiki-eneida-predislovie-k-izdaniyu/content/2841143-perevod-s-osherova/>
7. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм. М., 1988. С. 29–62.

8. Галь Н. Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Корабля дураков». М., 2001. 416 с.
9. Иероним Стридонский. Письмо к Паммахию о наилучшем способе перевода. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/k_pammahiu/
10. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003. 320 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М., 1991. С. 336–352.
12. Сонькин В. В., Борисенко А. Л. Гаспаров-переводовед и Гаспаров-переводчик. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/12/so18.html>
13. Цицерон М. Т. О наилучшем роде ораторов. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1285148370>
14. Чистяков Г. Дверь к Вергилию. URL: http://chistiakov.ru/article/dver_k_vergiliu
15. Чуковский К. И. Онегин на чужбине // Чуковский К. И. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М., 1988. С. 324–344.
16. Шлейермахер Фр. О разных методах перевода // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. №2. С. 127–145.
17. Bassnett S. Translation Studies. London, N.Y., 2002. 176 p.
18. Nabokov V. Servile Path // On Translation. Harvard University Press, 1959. P. 97–109.
19. Nabokov V. Problems of Translation. Onegin in English // Translation Studies Reader. London, N.Y., 2003. P. 71–83.
20. Pushkin A. Eugene Onegin. A novel in Verse / Translated from the Russian, with a commentary by V. Nabokov. Princeton University Press, 1990. 334 p.
21. Pushkin A. Eugene Onegin. A novel in Verse / Translated with an Introduction and Notes by J. E. Falen. Oxford University Press, 1995. 240 p.
22. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, 2001. 654 p.

References

1. Azov A. G. *Poverzhennyye bukvality: Iz istorii hudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Defeated literalists: from the history of literary translation in the USSR in 1920–1960 years]. Moscow, 2013. 304 p.
2. Ben'yamin V. Zadacha perevodchika. Predisloviye k perevodu «Parizhskikh kartin» Bodlera [The task of the translator. Preface to the translation of the "Parisian paintings" by Baudelaire]. *Derrida Zh. Vokrug vavilonskikh bashen* [Derrida J. Around the Tower of Babel]. St Petersburg, 2002, pp. 88–111.
3. Bojd B. *Vladimir Nabokov: amerikanskyye gody. Biografiya* [Vladimir Nabokov: American years. Biography]. Moscow, 2004. 950 p.
4. Bryusov V. Ya. Ovidij po-russki [Ovid in Russian]. *Russkie pisateli o perevode* [Russian writers on the translation]. Leningrad, 1960, pp. 532–567.
5. Vergilij P. M. *Eneida* [Aeneid]. Available at: <http://www.proza.ru/2012/06/24/1000>
6. Vergilij P. M. *Eneida* [Aeneid]. Available at: <http://www.booklot.ru/authors/vergiliy-publiymaron/book/bukoliki-georgiki-eneida-predislovie-k-izdaniyu/content/2841143-perevod-s-osherova/>
7. Gasparov M. L. *Bryusov i bukvalizm* [Bryusov and literalism]. Moscow, 1988, pp. 29–62.
8. Gal' N. *Slovo zhivoe i mertvoe: ot «Malen'kogo princza» do «Korablya durakov»* [The living and the dead word: from "The Little Prince" to "Ship of Fools"]. Moscow, 2001. 416 p.
9. Ieronim Stridonskij. *Pis'mo k Pammahiyu o nailuchshem sposobe perevoda* [The letter for Pammachius on the best way of translation]. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/k_pammahiu/
10. Nelyubin L. L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Monolingual translation studies dictionary]. Moscow, 2003. 320 p.

11. Ortega-i-Gasset H. Nishcheta i blesk perevoda [Poverty and brilliance of translation]. *Chto takoe filosofiya* [What is philosophy]. Moscow, 1991, pp. 336–352.
12. Son`kin V. V., Borisenko A. L. *Gasparov-perevodoved i Gasparov-perevodchik* [Gasparov as a translator]. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/12/so18.html>
13. Ciceron M. T. *O nailuchshem rode oratorov* [About the best kind of speakers]. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1285148370>
14. Chistyakov G. *Dver` k Vergiliyu* [The door to Virgil]. Available at: http://chistyakov.ru/article/dver_k_vergiliu/
15. Chukovskij K. Onegin na chuzhbine [Onegin on foreign land]. *Vy`sokoe iskusstvo. O principax hudozhestvennogo perevoda* [Fine art: on the principles of literary translation]. Moscow, 1988, pp. 324–344.
16. Shlejermaher Fr. O raznyx metodax perevoda [About the different methods of translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State University], 2000, no. 2, pp. 127–145.
17. Bassnett S. *Translation Studies*. London, N.Y., 2002. 176 p.
18. Nabokov V. *Servile Path*. Harvard University Press, 1959, pp. 97–109.
19. Nabokov V. *Problems of Translation. Onegin in English*. London, N.Y., 2003, pp. 71–83.
20. Pushkin A. *Eugene Onegin. A novel in Verse*. Translated from the Russian, with a commentary by V. Nabokov. Princeton University Press, 1990. 334 p.
21. Pushkin A. *Eugene Onegin. A novel in Verse*. Translated with an Introduction and Notes by J. E. Falen. Oxford University Press, 1995. 240 p.
22. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London, 2001. 654 p.

Для цитирования: *Барина И. А., Нестерова Н. М.* Перевод: «Поверженный / неповерженный» буквализм // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №6 (87). С. 66–77. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-6-87-7

For citation: *Barinova I. A., Nesterova N. M.* «Defeated /undefeated» literal translation. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 6 (87), pp. 66–77. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-6-87-7